

Агата Кристи
Печальный кипарис
Серия «Эркюль Пуаро», книга 24

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121990
Немой свидетель: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28931-8*

Аннотация

Убита молоденькая воспитанница недавно скончавшейся богатой пожилой дамы. Все улики указывают на другую наследницу состояния, причем обвиняемая даже умудряется сознаться в содеянном. Но Эркюль Пуаро подозревает, что все не так уж просто. Такова завязка романа «Печальный кипарис».

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Агата Кристи

Печальный кипарис

Питеру и Пегги Маклеод посвящаю

*Уходи, улетай, смерть!
Где печальный стоит кипарис,
Дай мне в землю спокойно лечь!
И тогда, о мой дух, испарись!
Пусть ветки тиса обовьют
Мой саван.
С любимой смерть я разделю
Как славу!*

В. Шекспир. «Двенадцатая ночь», акт II, сц. 4

Пролог

– Элино́р Кэ́трин Карлайл, вам предъявляется обвинение в убийстве Мэри Джерард, совершенном двадцать седьмого июля сего года. Признаете ли вы себя виновной?

Элино́р Карлайл стояла, гордо подняв изящную темноволосую голову, бесстрашно глядя на судью бездонными синими глазами.

В зале повисла тишина – напряженная, многозначительная тишина.

Сэра Эдвина Балмера, защитника, охватило тревожное предчувствие.

«Боже мой, – подумал он, – она готова признать себя виновной... У нее сдали нервы...»

Элино́р Карлайл чуть сдвинула тонкие брови и разжала губы:

– Я не виновна.

Защитник с облегчением вытер платком лоб.

Обвинитель сэра Самьюэл Аттенбери стоя излагал суть дела, обращаясь к суду:

– Позвольте, ваша светлость и господа присяжные, сообщить, что двадцать седьмого в три тридцать пополудни Мэри Джерард скончалась в Хантербери, Мейденсфорд...

Его голос, звучный и приятный, лился и лился, обволакивая сознание. Элино́р почти ничего не воспринимала. Лишь отдельные случайные фразы:

– ...Дело до чрезвычайности простое... Обязанность обвинения подтвердить мотивы и благоприятствующие обстоятельства...

...Ни у кого, кроме обвиняемой, насколько можно судить, не было никаких мотивов убивать эту несчастную девушку – Мэри Джерард. Юное существо с чудесным характером, всеми любимое, не имевшее ни единого, можно сказать, врага...

«Мэри, Мэри Джерард! Каким далеким все это сейчас кажется... и каким нереальным...»

– ...Особое внимание прошу уделить выяснению следующих обстоятельств.

Первое. Какими возможностями и средствами располагала обвиняемая для того, чтобы дать жертве яд?

Второе. Что именно послужило мотивом преступления? Я обязан представить свидетелей, которые помогут вам установить истину в этом деле...

...Что касается отравления Мэри Джерард, я приложу все усилия, чтобы доказать, что ни у кого, кроме обвиняемой, не было возможности совершить это преступление.

Элинор казалось, что ее окутал плотный туман, сквозь который до нее долетали лишь отдельные слова.

– ...Сандвичи... Рыбный паштет... Пустой дом...

Будто через тяжелое толстое покрывало слова булавками вонзались в ее сознание.

Зал суда. Лица. Целые ряды лиц! Среди них выделяется одно – с большими черными усами и пронизательными глазами. Эркюль Пуаро, слегка склонив набок голову, задумчиво следит за ней.

«Ну ясно: старается понять, почему я это сделала... Пытается проникнуть в мои мысли, чтобы узнать, о чем я тогда думала, что чувствовала...» – подумала она.

«Что чувствовала?.. Какое-то затмение – затем чуть болезненное ощущение от шока...»

Она увидела лицо Родди... родное, милое лицо... длинноватый нос, выразительный рот...

«Родди! Всегда Родди – всегда, с тех самых пор, как себя помню... да-да, с тех самых дней в Хантербери – среди кустов малины, наверху, где водились кролики, и внизу – у ручья. Родди – Родди – Родди...»

Есть и другие знакомые лица! Свежая веснушчатая физиономия сестры-сиделки О'Брайен: рот слегка приоткрыт, шея вытянута вперед. У сестры Хопкинс очень чопорный вид – чопорный и неумолимый. Лицо Питера Лорда... Питер Лорд, такой добрый, такой благоразумный, такой... успокаивающий! Но сегодня он выглядит... как бы это выразить... потерянным? Да – именно потерянным! Как он глубоко все это переживает! А ей, главному действующему лицу, абсолютно все равно!

Она совершенно спокойна и холодна, хотя и находится на скамье подсудимых и ее обвиняют в убийстве.

Но вот в ней словно что-то шевельнулось: мгла, окутавшая ее сознание, стала рассеиваться. Она на скамье подсудимых!.. И люди, люди...

Люди... Их горящие глаза пожирают ее, Элинор, их рты приоткрыты. Они с затаенной жестокой радостью слушают, что говорит о ней этот высокий человек с иудейским носом. Да, да, для них это всего лишь щекочущее нервы развлечение.

– Факты в этом деле абсолютно ясны и не вызывают сомнений, – говорил этот человек, – я коротко изложу их вам.

С самого начала Элинор стала вспоминать: «Начало... Начало? Тот день, когда пришло это ужасное анонимное письмо. Это и было началом...»

Часть первая

Глава 1

1

Анонимное письмо!

Элинор Карлайл стояла, держа в руке распечатанное письмо. Она никогда еще не сталкивалась с подобными вещами. Оно было написано на дешевой розовой бумаге, почерк корявый, куча ошибок.

Какая гадость!

«Это – чтобы предупредить вас. Я не называю имен, но существует Кое-кто присосавшийся к вашей Тетушке, и если вы не позаботитесь, Лишится Всего. Девушки очень Хитры и старые леди размякают, когда они к ним подлизываются и льстят им. Что я говорю – это вы лучше приезжайте и увидите сами, что кое-кто собирается обобрать вас... и молодого джентльмена... зацапать то, что Ваше по праву – и Она Очень Хитрая и Старая Леди может Загнуться в любую минуту.
Доброжелатель».

Элинор продолжала с гримасой отвращения вчитываться в корявые строчки, но тут открылась дверь, и горничная объявила: «Мистер Уэлман». Вошел Родди.

Родди! Как всегда, когда она его видела, ее охватывал легкий трепет, внезапное ощущение блаженства, но она знала, что не должна выдавать себя и что ей обязательно нужно сохранять равнодушно-бесстрастный вид. Ведь совершенно ясно, что, хотя Родди и любит ее, его чувство к ней совсем не такое, какое испытывает она. От одного лишь взгляда на его лицо все в ней переворачивалось, и сердце начинало бешено колотиться, почти болело от счастья. Ей и самой было странно и непонятно, что этот совершенно обыкновенный молодой человек так на нее действовал. При его появлении оживал мир, а звук его голоса вызывал желание... чуть ли не плакать... Но ведь любовь, кажется, должна приносить радость, а вовсе не боль, даже если это такая вот сумасшедшая любовь...

Ясно одно: нужно очень, очень постараться показать свое безразличие или даже пренебрежение. Мужчинам не нравится преданность и обожание. И Родди уж точно этого не любит.

– Привет, Родди! – небрежно бросила она.

– Привет, дорогая! У тебя такой несчастный вид. Счет пришел?

Элинор покачала головой.

– А я думал, это счет, – сказал Родди. – Все-таки середина лета, когда танцуют феи и как из рога изобилия сыплются счета.

– Вообще-то я получила нечто не менее противное, чем счет, – сказала Элинор. – Анонимное письмо.

Родди вскинул брови. Его живое лицо застыло.

– Нет! – воскликнул он с отвращением.

– Да, очень противное... – повторила она и шагнула к стулу. – Пожалуй, лучше его порвать.

Она могла бы сделать это – и почти сделала, – ибо появление Родди не должно быть осквернено этим мерзким письмом. Она могла бы выбросить его и больше о нем не думать. И Родди не стал бы ее останавливать. Его природная деликатность была куда сильнее любопытства. Однако она, сама не зная почему, решила иначе.

– Может, все-таки прочтешь? – предложила она. – Там насчет тети Лоры.

Родди опять удивленно поднял брови.

– Насчет тети Лоры?

Он взял письмо, прочитал и, брезгливо поморщившись, вернул его Элинору.

– Да, – сказал он. – Немедленно его сожги! Ну и ну! Чего только не напишут...

– Как по-твоему, это кто-нибудь из слуг? – спросила Элинору.

– А кто же еще? – Помешкав, он добавил: – Интересно, кого они имеют в виду?

– Скорее всего, Мэри Джерард. Да, наверное, ее, – задумчиво произнесла Элинору.

Родди нахмурился, силясь вспомнить.

– Мэри Джерард? Кто это?

– Это дочь тех людей, что жили в сторожке. Ты мог видеть ее, когда она была еще ребенком. Тетя Лора всегда очень любила эту девочку и всячески ее опекала. Она платила за ее обучение в школе и, мало того, оплачивала уроки музыки, французского языка и чего-то там еще.

– Ах да, – сказал Родди, – теперь я ее припоминаю, худышка, сплошные руки и ноги, копна растрепанных белесых волос.

Элинору кивнула.

– Ты, наверное, не видел ее после того лета, когда мама и папа уезжали за границу. Ну конечно, ведь ты бывал в Хантербери не так часто, как я, а она в последнее время жила в Германии – нанялась к кому-то в компаньонки. Но в детстве мы часто играли вместе.

– А какая она сейчас? – поинтересовался Родди.

– Она стала очень привлекательной, – ответила Элинору. – Хорошие манеры, и одевается со вкусом. Она ведь получила образование, и ты ни за что бы не признал в ней дочку старого Джерарда.

– Совсем как настоящая леди, а?

– Да. И я думаю, что именно поэтому ей не очень-то уютно теперь в сторожке. Видишь ли, миссис Джерард несколько лет назад умерла, а с отцом Мэри не ладит. Он насмеяется над ее образованностью и «господскими выкрутасами», как он это называет.

– Люди и не подозревают, какой вред можно причинить этим самым «образованием»! Их доброта часто оборачивается жестокостью! – в сердцах сказал Родди.

– Да, но, по-моему, она почти все время проводит в хозяйском доме. После того как у тети Лоры был удар, Мэри читает ей вслух, – возразила Элинору.

– А почему ей не может читать сиделка? – спросил Родди.

– У сестры О'Брайен ужасный ирландский акцент, это кого угодно выведет из себя, – улыбнулась Элинору. – Неудивительно, что тетя Лора предпочитает Мэри.

Родди нервно прошелся по комнате и вдруг сказал:

– Знаешь, Элинору, я думаю, нам следует туда поехать.

– Из-за этого письма?... – снова скорчив брезгливую гримаску, спросила Элинору.

– Нет-нет, вовсе нет. А впрочем, черт возьми, нужно быть честным: да! Оно, бесспорно, мерзкое, однако в нем может быть доля истины. Старушка действительно крепко больна...

– Да, Родди.

Он подкупающе улыбнулся, как бы сожалев о несовершенстве человеческой природы, и закончил фразу:

– ...и деньги для нас действительно важны – и для тебя, и для меня, Элинору.

– Да-да, конечно, – поспешно согласилась она.

– Ты не подумай, что я такой уж алчный, – продолжил Родди. – Но, в конце концов, тетя Лора сама много раз говорила, что мы с тобой ее единственные близкие родственники. Ты – ее родная племянница, а я – племянник ее мужа. Она всегда давала нам понять, что после ее смерти все ее состояние должно перейти к одному из нас, а скорее всего – к нам обоим. И это порядочная сумма, Элиноор!

– Да, – задумчиво произнесла она. – Наверное, немалая.

– Содержать Хантербери – дело нешуточное. Дядя Генри, как говорится, совсем не бедствовал, когда встретился с твоей тетей Лорой. Да и она была богатой наследницей. Ей и твоему отцу досталось приличное состояние. Жаль, что он так неудачно играл на бирже и растерял большую часть своего наследства.

Элиноор вздохнула.

– У бедного отца никогда не было делового чутья. Незадолго до смерти он был очень удручен состоянием своих дел.

– Да, у твоей тети оказалось гораздо больше сметки. Как только она вышла за дядю Генри, они купили Хантербери. Она мне однажды сказала, что ей всегда везло: она удачно помещала акции и практически никогда не терпела убытков.

– Дядя Генри все завещал ей, да?

Родди кивнул:

– Да. Как жаль, что он так рано умер. А она так больше и не вышла замуж. Сохранила верность дяде. И так всегда нас с тобой баловала. А ко мне относилась так, будто я ее родной племянник. Стоило мне попасть в какую-нибудь неприятную историю, как она сразу же меня выручала. К счастью, таких историй было не слишком много!

– И мне она тоже очень помогала, не жалела денег, – благодарно промолвила Элиноор.

– Тетя Лора молодчина, – кивнул Родди. – А знаешь, Элиноор, ведь если вдуматься, мы с тобой позволяем себе слишком много дорогих удовольствий – при наших-то весьма скромных доходах!

– Пожалуй, ты прав... – с грустью согласилась Элиноор. – Все так дорого стоит – и одежда, и косметика, и всякие глупости вроде кино и вечеринок, и даже грампластинки!

– Дорогая, ты совсем как одна из тех полевых лилий! Не трудишься, не прядешь!²

– А ты считаешь, я должна это делать? – спросила Элиноор.

Он покачал головой.

– Я люблю тебя такой, какая ты есть: изящная, сдержанная, ироничная. Я бы совсем не хотел, чтобы ты стала чересчур серьезной. Я просто имел в виду, что, если бы не тетя Лора, тебе, возможно, пришлось бы заниматься какой-нибудь неприятной работой. – Помолчав, он добавил: – То же самое относится и ко мне. Да, у меня вроде бы есть работа. Служу у «Льюиса и Юма». Там не надорвешься, и это меня устраивает. Работаю просто ради уважения к самому себе; но – заметь! – я не беспокоюсь за свое будущее, поскольку возлагаю надежды на наследство от тети Лоры.

– Послушать нас, так мы здорово смахиваем на пиявок, – проговорила Элиноор.

– Чепуха! Нам всегда давали понять, что со временем и у нас будут деньги – только и всего. Естественно, это не могло не отразиться на нашем отношении к жизни.

– Но тетя Лора никогда нам не говорила, как именно она распорядится своими деньгами, – задумчиво сказала Элиноор.

– Какое это имеет значение! – воскликнул Родди. – Скорее всего, она поделит их между нами; а если она оставит большую часть – или даже все – тебе, как кровной родственнице, –

---

² Библейская аллюзия – Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 28: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут».

я так или иначе получу свою долю, ибо собираюсь жениться на тебе, моя радость; если же наша дорогая старушка решит отдать большую часть мне, как представителю Уэлманов по линии мужа, то и в этом случае у нас не будет никаких проблем, поскольку ты выходишь замуж за меня. – Он нежно ей улыбнулся и добавил: – Нам здорово повезло, что мы любим друг друга. Ведь ты меня любишь, Элино, не так ли?

– Да, – прозвучал холодный, почти официальный ответ.

– «Да!» – передразнил ее Родди. – Ты великолепна, Элино. Эта твоя манера важничать, эта отчужденность и неприступность... Настоящая принцесса-недотрога. По-моему, именно за это я тебя и люблю.

– За это? – коротко спросила Элино, едва сдержав предательский вздох.

– Конечно. – Он поморщился. – Некоторые женщины такие... Не знаю, как сказать... такие собственницы... преданы ну просто по-собачьи – готовы утопить в своем обожании и любви. Терпеть этого не могу. А с тобой я никогда не знаю, чего ждать в следующую минуту, никогда ни в чем не уверен, мгновение – и ты можешь стать холодной и высокомерной, того и гляди скажешь, что передумала, что не хочешь выходить за меня, вот как сейчас, даже не моргнув глазом. Ты изумительное создание, Элино, – настоящее произведение искусства... такая... Такая безупречная! Знаешь, по-моему, наш брак должен быть счастливым, – продолжил он. – Мы любим друг друга, не слишком сильно, но достаточно. Мы хорошие друзья. Наши вкусы во многом совпадают. Мы знаем друг друга вдоль и поперек. На нашей стороне все выгоды родства без недостатков родства кровного. Ты мне никогда не надоешь, ты ведь такая непредсказуемая. Скорее уж я надоем тебе. Я ведь, в сущности, самый обыкновенный малый...

Элино покачала головой.

– Ты никогда не наскучишь мне, Родди, никогда!

– Радость моя! – воскликнул Родди и поцеловал ее. – Тетя Лора прекрасно знает о наших отношениях, хотя мы не были у нее после того, как все окончательно для себя решили. Не правда ли, это подходящий предлог, чтобы съездить к ней?

– Да, я на днях как раз думала...

– ...что мы навещаем ее не так часто, как могли бы, – закончил за нее Родди. – Я тоже об этом думал. Когда у нее только-только случился удар, мы посещали ее почти каждую неделю. А теперь... мы не были у нее уже почти два месяца.

– Если бы она нас позвала, мы бы тут же приехали, – заметила Элино.

– Да, конечно! Разумеется, мы знаем, что сестра О'Брайен очень ей нравится и что за ней хороший уход. И все же мы, наверное, были недостаточно внимательны. Я так говорю вовсе не из меркантильных соображений, а чисто по-человечески.

– Я знаю, – кивнула Элино.

– Так что это мерзкое письмо в конечном счете принесло определенную пользу. Мы отправимся туда, чтобы защитить наши интересы... ну а главное, мы же любим нашу старушку и хотим ее проведать.

Он зажег спичку и, взяв из рук Элино письмо, поднес к нему язычок пламени.

– Интересно, кто его написал? Впрочем, какая разница... Наверное, кто-то из тех, кто, так сказать, «за нас», как мы обычно говорили, когда были детьми. Может, этот чудак сделал для нас доброе дело. Ведь чего только на свете не бывает! Мать Джима Партингтона отправилась на Ривьеру³. Там ее лечил молодой очаровательный врач-итальянец. В конце концов она по уши в него влюбилась и оставила ему все свое состояние – до последнего пенни. Джим и его сестры пытались опротестовать завещание, но не тут-то было.

---

³ *Ривьера* (Лазурный Берег) – полоса гористого побережья Франции на Средиземном море, международный курорт.

– Тете Лоре тоже нравится новый доктор, который взял себе пациентов доктора Рэнсома. Но все-таки не до такой степени! К тому же в этом отвратительном письме речь идет о девушке. Должно быть, о Мэри.

– Вот поедем туда и сами все увидим, – сказал Родди.

2

Сестра О'Брайен, шурша юбками, проследовала из спальни миссис Уэлман в ванную. Обернувшись, она сказала:

– Сейчас поставлю чайник. Уверена, сестрица, вы не откажетесь от чашечки чаю на дорогу.

– Чашечка чаю, дорогая, никогда не помешает, – удовлетворенно заметила сестра Хопкинс. – Я всегда говорю: нет ничего лучше хорошего, крепкого чая!

Сестра О'Брайен, наполняя чайник и зажигая газ, говорила:

– У меня в этом шкафу есть все, что надо: чайник для заварки, чашки, сахар, а Эдна приносит мне два раза в день свежее молоко. Нет нужды без конца звонить прислуге. А плита здесь просто замечательная – вода закипает мгновенно!

Сестра О'Брайен была высокой рыжеволосой женщиной лет тридцати с ослепительно-белыми зубами, веснушчатым лицом и обаятельной улыбкой. Пациенты любили ее за бодрость и жизнерадостность. Хопкинс, районная медицинская сестра, простоватая, уже не очень молодая, приходила каждое утро, чтобы помочь ей перестелить постель и совершить туалет пожилой леди, которая была довольно грузной. Надо сказать, помощницей она была неоценимой – ловкой и быстрой.

– В этом доме все сделано на совесть, – одобрительно заметила Хопкинс.

– Что верно, то верно, – кивнула ее коллега. – Правда, кое-что здесь устарело и нет центрального отопления, но зато много каминов и служанки внимательные. Миссис Бишоп спуску им не дает.

– Эти нынешние служанки, – подхватила сестра Хопкинс, – терпенья на них не хватает... Сами не знают, чего хотят. А прилично прибраться в доме не могут.

– Мэри Джерард – очень славная девушка, – возразила сестра О'Брайен. – Просто не представляю, как бы миссис Уэлман обходилась без нее. Вы видели, она и сейчас ее вызвала к себе? Ну конечно же, такое милое создание и знает, как ей угодить.

– Мне жаль Мэри, – сказала сестра Хопкинс. – Этот старик, ее папаша, делает все ей назло.

– Ни одного доброго слова от этого скряги не дождешься, – согласилась сестра О'Брайен. – А чайник-то уже шумит. Как закипит, сразу заварю.

Чай вскоре уже был налит в чашки – горячий и крепкий. Чаепитие происходило в комнате сестры О'Брайен, расположенной рядом со спальней миссис Уэлман.

– Приезжают мистер Уэлман и мисс Карлайл, – сказала сестра О'Брайен. – Утром пришла телеграмма.

– Вот оно что, – проговорила сестра Хопкинс. – А я никак не пойму, что это старая леди так взволнована. Они ведь давненько ее не навещали, да?

– Месяца два, если не больше. Мистер Уэлман приятный молодой джентльмен. Только очень уж гордый.

Сестра Хопкинс сказала:

– А я на днях видела фотографию мисс Карлайл в «Тэтлере»⁴. Они с подругой на ипподроме в Ньюмаркете⁵.

---

⁴ «Тэтлер» – ежемесячный иллюстрированный журнал, выходящий с 1901 года и публикующий материалы из области

– Она ведь очень известна в обществе, а? И всегда так чудесно одевается. Как по-вашему, сестрица, она на самом деле красивая?

Сестра Хопкинс ответила:

– Сегодняшних девушек не очень-то и разглядишь под пудрой да румянами. По мне, так ей очень далеко до Мэри Джерард!

Сестра О'Брайен поджала губы и склонила голову набок.

– Возможно, вы и правы. Но у Мэри нет стиля!

– Что и говорить, птичку красят перышки, – назидательно заметила сестра Хопкинс.

– Еще чашечку, сестрица?

– Спасибо, сестрица. С удовольствием.

Женщины ближе придвинулись друг к другу.

– А знаете, нынче ночью такое случилось... Не знаю, что и думать, – доверительным тоном сказала сестра О'Брайен. – Около двух часов я, как всегда, вошла в спальню, чтобы поудобнее устроить нашу голубку, а она вовсе и не спит, видать, думает о чем-то о своем, потому, как только я вошла, тут же говорит: «Фотография. Дайте мне фотографию». Я, само собой, ей в ответ: «Конечно, миссис Уэлман. Но не лучше ли подождать до утра». А она: «Нет, я хочу взглянуть на него сейчас». Тогда я спросила: «Где эта фотография? Вам нужна одна из фотографий мистера Родерика?»

А она мне: «Родерика? Нет, Льюиса». И смотрю, старается приподняться, ну я к ней подошла, чтобы помочь. Она достала ключи из маленькой шкатулки, стоявшей рядом с постелью, и попросила отпереть второй ящик секретера. И там, точно, оказалась большая фотография в серебряной рамке. А на ней такой красавец! А в углу наискосок написано: «Льюис». Старинная фотография, должно быть, сделана много лет назад. Ну подала я ей ее, а она долго всматривалась, и шептала, и шептала: «Льюис... Льюис». Потом вздохнула, протягивает эту фотографию мне и просит положить обратно. И, поверите ли, когда я обернулась, она уже спала – сладко, как дитя.

– Думаете, это ее муж? – заинтересовалась сестра Хопкинс.

– Ничего подобного! Наутро я как бы между прочим спросила миссис Бишоп, как звали покойного мистера Уэлмана. И она сказала: Генри!

Женщины обменялись красноречивыми взглядами. Кончик длинного носа сестры Хопкинс подрагивал от приятного возбуждения.

– Льюис... Льюис, – задумчиво проговорила она. – Любопытно... У нас тут вроде бы никого нет с таким именем.

– Ну это, видимо, очень давняя история, дорогуша, – предположила О'Брайен.

– Ну конечно. Я ведь здесь всего два года. Интересно, интересно...

– Очень красивый мужчина, – снова повторила сестра О'Брайен, – похож на кавалерийского офицера!

Сестра Хопкинс, прихлебывая чай, произнесла:

– Это очень любопытно.

– Может, они в юности любили друг друга, а жестокий отец их разлучил... – с надеждой произнесла склонная к романтизму сестра О'Брайен.

– А может быть, его убили на войне... – глубоко вздохнув, предположила сестра Хопкинс.

спорта, развлечений, светской жизни, искусства.

⁵ *Ньюмаркет* – город в графстве Кембриджшир, известный своим ипподромом; здесь начиная с XVII века ежегодно устраиваются скачки, на которые устремляются массы зрителей.

3

Только сестра Хопкинс, приятно взбудораженная романтическими догадками О'Брайен, наконец покинула дом, как ее нагнала выбежавшая вслед за ней Мэри Джерард.

– Можно мне прогуляться вместе с вами до деревни, сестрица?

– Конечно, моя дорогая.

– Мне нужно поговорить с вами, – чуть задышавшись, произнесла Мэри. – Меня так все беспокоит.

Женщина участливо на нее взглянула.

Мэри Джерард исполнился двадцать один год, и она была очаровательным созданием, напоминавшим своим хрупким обликом дикую розу: длинная нежная шея, бледно-золотистые волосы, мягкими волнами лежавшие на точеной головке, и ясные небесно-голубые глаза.

– А что случилось? – спросила сестра Хопкинс.

– Понимаете, время идет, а я до сих пор ничего не делаю!

– Ну это вы всегда успеете, – сухо проговорила сестра Хопкинс.

– Да, но это меня так... так огорчает. Миссис Уэлман была удивительно добра ко мне, оплатив такое дорогое обучение. Я чувствую, что теперь должна сама зарабатывать себе на жизнь. Мне необходимо получить какую-нибудь профессию.

Сестра Хопкинс сочувственно кивнула.

– Мне нужно работать, иначе зачем было столько учиться, – продолжала Мэри. – Я старалась... старалась объяснить, что я чувствую, миссис Уэлман, но... это так трудно... она, по-моему, не понимает меня. Она постоянно говорит, что у меня впереди еще много времени.

– Не забывай, что она очень больна, – сказала сестра Хопкинс.

Мэри залилась краской.

– Да, конечно. Мне не нужно было ее беспокоить. Но это постоянно меня тревожит... а тут еще отец... Он так на меня из-за этого злится. Ворчит, что я строю из себя настоящую леди! Но я ведь на самом деле не хочу сидеть сложа руки!

– Я знаю.

– Беда в том, что обучение любой профессии тоже всегда стоит больших денег. Почти всегда. Вообще-то я неплохо знаю немецкий и могла бы как-то это использовать. Но мне очень бы хотелось стать медсестрой. Мне нравится ухаживать за больными.

– Запомни, для этого нужно быть сильной, как лошадь! – скептически изрекла сестра Хопкинс.

– Я сильная! И мне действительно нравится ухаживать за больными! Мамина сестра, та, что в Новой Зеландии, была медсестрой. Как видите, это у меня в крови.

– А как насчет массажа? – предложила сестра Хопкинс. – Или Норлендского медицинского училища?⁶ Ведь ты любишь детей. Но вообще-то массаж более денежное дело.

Мэри засомневалась:

– Но выучиться на массажистку дорого стоит, не так ли? Я надеялась... но, конечно же, это я уж слишком... она и так много для меня сделала.

– Ты имеешь в виду миссис Уэлман? Чепуха! По-моему, она просто обязана тебе в этом помочь. Она дала тебе шикарное образование, но от него мало толку. А ты не хочешь стать учительницей?

– Я не слишком умна для этого.

---

⁶ Норлендское училище – медицинское училище в городке Саммер-Хилл (графство Кент).

– Ум уму рознь. Послушайся моего совета, Мэри, потерпи еще немного. По-моему, миссис Уэлман обязана тебе помочь встать на ноги. И, я не сомневаюсь, она собирается это сделать. Но она так тебя любит, что не хочет с тобой расставаться.

– Ох! – У Мэри на мгновение перехватило дыхание. – Вы действительно так думаете?

– Ни капельки не сомневаюсь! Ну сама посуди: несчастная старая леди, наполовину парализованная, а значит, почти беспомощная. Заперта в четырех стенах. И ей, конечно, приятно видеть рядом такое молодое, пригожее существо, как ты. Ты замечательно умеешь обращаться с больными.

– Если вы и вправду считаете, что она... ценит меня, – тихо проговорила Мэри, – это меня успокаивает... Милая миссис Уэлман! Я очень ее люблю, очень! Она всегда так хорошо ко мне относилась. Я готова сделать для нее все, что угодно!

– Лучшее, что ты можешь для нее сделать, – это оставаться при ней и не морочить себе голову заботами о будущем, – сухо сказала сестра Хопкинс. – Это долго не протянется.

– Вы имеете в виду... – Глаза Мэри округлились от испуга.

Районная сестра кивнула.

– Она держится замечательно, но хватит ее ненадолго. Будет второй удар, затем третий. Уж я-то знаю, как это бывает. Потерпи, душенька. Если ты скрасишь последние дни старой леди, то тем самым сделаешь благое дело. А все остальное еще успеется.

– Вы очень добры, – промолвила Мэри.

– Вон твой папаша решил выбраться на улицу, и наверняка не для того, чтобы мирно побалагурить, – проворчала сестра Хопкинс, когда они приблизились к массивным чугунным воротам.

Сгорбленный старик, прихрамывая, спускался по ступенькам с крыльца сторожки.

– Доброе утро, мистер Джерард, – весело поздоровалась сестра Хопкинс.

– А-а! – раздраженно проскрипел Эфраим Джерард.

– Прекрасная погода, – сказала сестра Хопкинс.

– Для вас может быть. А по мне, так ничего прекрасного, – проворчал старый Джерард. – Разыгралось мое люмбаго⁷.

– Видимо, это из-за дождей на прошлой неделе. А сейчас сухо и тепло, и скоро боль у вас как рукой снимет, – пообещала сестра Хопкинс. Ее профессионально-бодрый тон лишь сильнее озлобил старика.

– Сестры... сестры, все вы на один лад, – огрызнулся он. – Люди страдают, а вы веселитесь да радуетесь. Вам на них наплевать. И Мэри вот тоже знай талдычит: буду, мол, медсестрой. Не могла выбрать что-нибудь получше! Все-таки и по-немецки, и по-французски болтает, и на пианино играет, да и в школе своей шикарной всяким штукам научилась, и за границей...

– Меня бы вполне устроило быть больничной сестрой, – резко перебила его Мэри.

– Ага, а еще лучше вообще ничего не делать, верно? Изображать из себя этакую леди-белоручку! Да ты попросту лентяйка, дорогая моя доченька!

– Это неправда, папа! – выкрикнула Мэри, и на глазах у нее выступили слезы. – Как ты можешь так говорить!

Сестра Хопкинс вмешалась в разговор, попытавшись несколько неловкой шуткой разрядить атмосферу:

– Теперь я вижу, что вам и впрямь с утра неможется, небось вы и сами не верите в то, что говорите! Мэри – хорошая девушка и хорошая дочь.

Джерард посмотрел на дочь с почти откровенной враждебностью.

---

⁷ Люмбаго (прострел) – стреляющие боли в поясничной области при заболевании мышц или нервов.

– Какая она мне теперь дочь – со своим французским языком и жеманными разговорами. Тьфу!

Он повернулся и заковылял обратно в сторожку.

В глазах Мэри все еще стояли слезы.

– Вы видите, сестрица, как мне с ним трудно? Он никогда по-настоящему не любил меня, даже когда я была маленькой. Маме всегда приходилось за меня заступаться.

– Ну-ну, не расстраивайся, – ласково сказала сестра Хопкинс. – Тяготы посланы нам, дабы испытать нас. О боже, мне нужно поспешить. У меня сегодня обход.

Глядя вслед быстро удаляющейся фигуре, Мэри с горечью думала, что по-настоящему добрых людей не бывает и ей не от кого ждать помощи. Сестра Хопкинс, при всем ее сочувствии, отделалась несколькими прописными истинами, преподнеся их как откровение.

«Что же мне делать?» – в отчаянии думала Мэри.

Глава 2

1

Миссис Уэлман лежала на высоко взбитых подушках. Дыхание ее было чуть затруднено, и она не спала. Ее глаза, все еще темно-синие, как у племянницы Элинор, были устремлены в потолок. Это была крупная, грузная женщина с красивым орлиным профилем. Гордость и твердость отражались на ее лице.

Ее взгляд заскользил по комнате и остановился на хрупкой фигурке у окна. В синих глазах мелькнула нежность и легкая тревога. Наконец она позвала:

– Мэри...

Девушка живо обернулась.

– О, вы проснулись, миссис Уэлман.

– Да, я давно уже не сплю...

– Ах, миссис Уэлман, я не знала. Я бы...

– Ничего, все хорошо, – успокоила ее старая леди. – Я думала... много о чем думала...

– И о чем же, миссис Уэлман?

Участливый взгляд и искренний интерес, звучавший в голосе девушки, смягчили выражение тревоги на старом, изнуренном болезнью лице. Лора Уэлман ласково сказала:

– Я очень тебя люблю, дорогая. Ты очень добра ко мне.

– Ах, миссис Уэлман, это вы так добры ко мне. Не знаю, что бы я делала, не будь вас!

Вы дали мне буквально все.

– Не знаю... не знаю... я не уверена, что... – Больная беспокойно зашевелилась, ее правая рука дернулась, левая оставалась неподвижной и безжизненной. – Стараешься сделать как лучше, но так трудно разобраться, что же на самом деле лучше, что правильнее. Я всегда была слишком самоуверенна...

– О нет, – возразила Мэри Джерард. – Я убеждена, что вы всегда точно знаете, как лучше и правильнее поступить.

Но Лора Уэлман лишь покачала головой.

– Нет-нет. И это не дает мне покоя. У меня всегда был неискоренимый недостаток, Мэри: гордость. Гордость может обернуться злом. А она у нашей семьи в крови. У Элинор тоже.

– Чудесно, что они с мистером Родериком надумали приехать, – с воодушевлением сказала Мэри. – Вам будет повеселее. Они уже давно вас не навещали.

– Они хорошие, очень хорошие дети, – мягко проговорила миссис Уэлман. – И оба любят меня. Я знаю – стоит мне их позвать, они тут же примчатся. Но не хочется слишком часто их беспокоить. Они молоды и счастливы – перед ними весь мир. Им пока вовсе ни к чему видеть разрушение и страдание.

– Уверена, что они ни о чем таком не думают, – возразила Мэри.

Но миссис Уэлман продолжала говорить, вероятно, больше для себя, чем для девушки:

– Я всегда надеялась, что они поженятся. Но чтобы намекнуть им на это – боже упаси! У молодых так развит дух противоречия! Это лишь отпугнуло бы их друг от друга. Давным-давно, когда они были еще детьми, мне показалось, что сердце Элинор отдано Родди. Но в отношении его я не вполне уверена. Он человек непростой. Генри был похож на него – очень сдержанный и разборчивый... Да, Генри... – Она задумалась, вспоминая покойного мужа. Потом прошептала: – Как давно... как давно это было... Мы были женаты всего пять лет. Он умер от двустороннего воспаления легких... Мы были счастливы – да, очень

счастливы, но мне почему-то оно кажется каким-то ненастоящим, это наше счастье. Я была довольно эксцентричной и не очень развитой девушкой – всерьез бредила всякими идеалами и героями. Витала в облаках...

– Вы, должно быть, чувствовали себя очень одинокой – потом? – тихо спросила Мэри.

– Потом? О да – ужасно одинокой. Мне было двадцать шесть лет... а теперь перевалило за шестьдесят. Сколько времени прошло, дорогая... сколько лет... – Внезапно она резко добавила: – А теперь еще вот это!

– Ваша болезнь?

– Ну да. Именно удара я всегда боялась. Это так унижительно! Купают, одевают – словно младенца! Абсолютная беспомощность. Это меня бесит. О'Брайен – женщина очень добродушная, ничего не скажешь. Она не сердится, когда я на нее покрикиваю, и не глупее большинства сиделок. Но когда рядом со мной ты, Мэри, – совсем другое дело!

– Правда? – Щеки девушки зарделись. – Я... я так рада, миссис Уэлман.

Лора Уэлман пристально на нее посмотрела:

– Ты ведь беспокоишься о своем будущем, верно? Предоставь это мне, дорогая. Я позабочусь о том, чтобы ты могла встать на ноги и получить профессию. Но чуточку еще потерпи – для меня так много значит твое участие.

– О, миссис Уэлман, конечно, конечно! Я не оставлю вас ни за что! Если только вы хотите, чтобы я была с вами...

– Очень хочу... – Голос больной стал необыкновенно глубоким и проникновенным. – Ты... ты для меня все равно что дочь, Мэри. На моих глазах ты выросла и превратилась из крохотной малышки в красивую девушку. Я горжусь тобой, дитя мое. И надеюсь, что то, что я для тебя сделала, действительно поможет тебе в жизни.

– Если вы думаете, что ваша доброта и... и моя учеба... ну, не для таких, как я... – сбивчиво заговорила Мэри, – если вы думаете, что я недовольна или... или... из-за этого у меня появились замашки избалованной барышни – это так папа говорит... то это неправда. Я так вам благодарна за все. А то, что я хочу скорей начать зарабатывать на жизнь... просто я и так слишком многим вам обязана. И мне не хочется, чтобы кто-либо думал, будто я приживалка.

– Так вот что Джерард вколачивает тебе в голову? – внезапно перебила девушку Лора Уэлман, и в голосе ее послышались резкие нотки. – Не обращай внимания на своего отца, Мэри. Никто никогда не смел и впредь не посмеет упрекнуть тебя в том, что ты живешь за мой счет! Это я сама прошу тебя еще ненадолго здесь остаться. Скоро все кончится... Будь моя воля, моя жизнь закончилась бы хоть сию минуту, и никакой тебе мороки с сиделками и докторами.

– О нет, миссис Уэлман! Доктор Лорд говорит, что вы можете прожить еще не один год.

– Вот уж спасибо, обрадовал! Я на днях сказала ему, что в порядочном цивилизованном государстве достаточно было бы только намекнуть врачу, и он прикончил бы меня с помощью какого-нибудь лекарства – совершенно безболезненно. «Будь у вас хоть капля смелости, – сказала я ему, – вы бы уж как-нибудь сделали это!»

– О! И что же он ответил? – испуганно спросила Мэри.

– Этот молодой человек весьма непочтительно усмехнулся и заявил, что не желает болтаться на виселице. И при этом добавил: «Вот если бы вы мне завещали все свои деньги, тогда я, возможно, и рискнул бы». Каков нахал! И все же этот юнец мне нравится. Его визиты помогают мне больше, чем все его лекарства.

– Да, он очень симпатичный, – согласилась Мэри. – Сестра О'Брайен чуть ли не влюблена в него, да и сестра Хопкинс тоже.

– Хопкинс в ее возрасте пора бы быть поумнее, – заметила миссис Уэлман. – Ну а сестра О'Брайен только и может, что глупо улыбаться и бормотать: «О, доктор!» – стоит ему к ней приблизиться. Ну просто вся млеет.

– Бедная сестра О'Брайен!

– Она, в общем-то, женщина неплохая, – снисходительно признала миссис Уэлман, – просто меня раздражают все сиделки. Они почему-то всегда уверены, что вы мечтаете о «чашечке чаю», причем в пять утра! – Она замолчала, прислушиваясь. – Что там? Кажется, машина подъехала?

Мэри выглянула в окно:

– Да, это машина. Приехали мисс Элино́р и мистер Родерик.

2

– Я страшно рада, Элино́р, – сказала миссис Уэлман, – за вас с Родди.

– Я так и знала, тетя Лора, что ты обрадуешься, – улыбнулась Элино́р.

Однако ее старая тетушка, чуть помедлив, спросила:

– Ты и в самом деле любишь его, Элино́р?

Элино́р вскинула тонкие брови:

– Конечно.

– Ты уж прости меня, милая, – поспешно добавила миссис Уэлман. – Ведь ты очень сдержанная. Поди разбери, что у тебя на уме и на душе. Когда вы были совсем еще юными, мне казалось, что ты начинаешь привязываться к Родди... слишком сильно...

Тонкие брови Элино́р опять поднялись.

– Слишком сильно?

Старая леди кивнула.

– Да. А слишком сильно любить неразумно. Порой молодые девушки просто теряют голову... Я обрадовалась, когда ты уехала доучиваться в Германию. А потом, когда ты вернулась, мне показалось, что ты совсем к нему остыла, я так была разочарована! Видишь, как трудно угодить привередливой старухе! Я ведь думала, что ты окажешься довольно страстной по натуре – темпераментные женщины не редкость в нашем роду... И они бывали не очень счастливы... И тем не менее, увидев, что ты совершенно к Родди равнодушна, я очень расстроилась, потому что всегда надеялась, что вы будете вместе. Ну а теперь – теперь все так и получилось – я очень довольна! Значит, ты и в самом деле любишь его?

– Люблю. Не слишком сильно, но – достаточно, – уточнила Элино́р.

Миссис Уэлман с одобрением кивнула.

– Тогда, я думаю, ты будешь счастлива. Родди нуждается в любви, но не переносит бурных страстей. Собственнический инстинкт, присущий нам, женщинам, может его отпугнуть.

– Ты так хорошо знаешь Родди! – пылко воскликнула Элино́р.

– Ну а если Родди любит тебя чуточку больше, чем ты его, – тогда совсем замечательно, – заметила миссис Уэлман.

– Газетная колонка «Советы тетушки Агаты»: «Держите своего друга в постоянном напряжении. Не позволяйте ему быть слишком уверенным в вас», – быстро среагировала Элино́р.

– Ты несчастлива, моя девочка? Что-нибудь не так? – встревожилась миссис Уэлман.

– Нет-нет, ничего.

– Ты, верно, подумала, что я говорю довольно банальные вещи? Дорогая моя, ты молода и слишком чувствительна. А жизнь, боюсь, вообще довольно банальна по своей сути...

– Думаю, так оно и есть, – с легкой горечью согласилась Элино́р.

– Дитя мое, ты несчастлива? – снова спросила Лора Уэлман. – Что-нибудь случилось?
– Ничего, все в порядке. – Она встала, подошла к окну и, чуть обернувшись, сказала:
– Тетя Лора, скажи мне, только честно, всегда ли любовь – это счастье?

Лицо миссис Уэлман помрачнело.

– В том смысле, какой имеешь в виду ты, Элиноор, возможно, и нет... Сильное чувство к другому человеку всегда приносит больше печали, чем радости. Но все равно, Элиноор, это нужно испытать. Тот, кто никогда по-настоящему не любил, считай, по-настоящему и не жил...

Девушка кивнула:

– Да, ты понимаешь, ты... знаешь, что это такое... – Она внезапно повернулась и посмотрела в глаза Лоры Уэлман вопрошающим взглядом. – Тетя Лора...

Но тут открылась дверь, и рыжеволосая О'Брайен бодрым голосом объявила:

– Миссис Уэлман, к вам пришел доктор.

3

Доктору Лорду было тридцать два года. Он обладал приятным, хотя и некрасивым веснушчатым лицом, песочного цвета волосами, совершенно квадратным подбородком и пытливыми светло-голубыми глазами.

– Доброе утро, миссис Уэлман, – поздоровался он.

– Доброе утро, доктор Лорд. Это моя племянница, мисс Карлайл.

На лице доктора Лорда отразилось откровенное восхищение.

– Здравствуйте, – сказал он, пожимая руку Элиноор так осторожно, будто боялся ее сломать.

– Элиноор и мой племянник приехали немного меня подбодрить, – продолжала миссис Уэлман.

– Замечательно! – воскликнул доктор Лорд. – Как раз это вам и нужно. Положительные эмоции – отличное лекарство, миссис Уэлман.

Он никак не мог оторвать восхищенный взгляд от Элиноор.

– Возможно, мы еще увидимся с вами перед вашим уходом, – сказала Элиноор и двинулась к двери.

– О да... конечно.

Она вышла, прикрыв за собой дверь. Доктор Лорд приблизился к постели, сестра О'Брайен засемила следом за ним.

– Собираетесь проделать со мной обычный набор трюков, доктор: пульс, дыхание, температура? – усмехнулась миссис Уэлман. – Что за мошенники эти доктора!

Сестра О'Брайен со вздохом пролепетала:

– Ох, миссис Уэлман! Ну разве можно так разговаривать с доктором!

Доктор Лорд озорно блеснул глазами:

– Миссис Уэлман видит меня насквозь, сестра! Но войдите в мое положение, миссис Уэлман: я же должен выполнять свои обязанности. Каюсь: никак не научусь более тактично вести себя с больными.

– Вам не в чем каяться. Вы можете просто гордиться своей тактичностью.

– Это вы так считаете, – усмехнулся Питер Лорд.

Задав несколько обычных своих вопросов и получив на них ответы, доктор Лорд откинулся на спинку стула и улыбнулся:

– Отлично! Все идет превосходно.

– Так что через недельку-другую я поднимусь и смогу ходить по дому? – чуть насмешливо спросила миссис Уэлман.

– Ну, конечно, не так скоро.

– Нет, все-таки я была права. Вы – обманщик! Ну что хорошего в такой вот жизни – валяешься в постели, и с тобой возятся, как с младенцем!

– А что вообще хорошего в жизни? Вот в чем вопрос, – проговорил доктор Лорд. – Вам не доводилось читать об одном симпатичном средневековом изобретении? Называлось оно «Исполнение желаний». В этой штуковине было невозможно ни стоять, ни сидеть, ни лежать. Казалось бы, в такой тесноте человек не протянет и месяца. Ничего подобного! Один осужденный провел в этой железной клетке шестнадцать лет, а когда его отпустили, дожил до глубокой старости.

– Ну и каков же смысл этой вашей истории? – поинтересовалась Лора Уэлман.

– А смысл ее в том, что человек наделен тягой к жизни. Это на уровне инстинкта. Человек живет вовсе не потому, что у него есть какие-то разумные стимулы. Сплошь и рядом люди, которым, по нашему мнению, «лучше бы умереть», не хотят умирать. Те же, у кого вроде бы есть все, ради чего стоит жить, подчас не могут преодолеть недуг – у них нет сил бороться за жизнь.

– Ну-ну, я вас слушаю.

– Собственно, я все сказал. Вы из тех, кто хочет жить, что бы вы там ни говорили! И если ваше тело хочет жить, не обременяйте свой мозг всякими мрачными помыслами.

Миссис Уэлман резко прервала доктора, решив переменить тему:

– Как вам наши края?

Питер Лорд улыбнулся:

– Мне здесь очень нравится.

– Не скучновато ли для такого молодого человека, как вы? Наверное, хотите специализироваться? Ведь у деревенского врача работа довольно нудная?

Лорд решительно покачал своей рыжеватой головой.

– Нет, я свою работу люблю. Понимаете, я люблю людей, и мне нравится лечить самые рядовые болезни. Меня действительно не тянет гоняться за какой-нибудь редкой бациллой, вызывающей таинственный недуг. То ли дело корь, ветрянка и прочие всем знакомые хвори. Ведь каждый организм реагирует на них по-разному, и мне хотелось бы внести свою лепту в методы их лечения. Видите ли, я абсолютно лишен амбиций. Я останусь здесь. Со временем отращу себе солидные бакенбарды, и люди, возможно, будут говорить: «Конечно, мы всегда обращаемся к доктору Лорду, но его методы давно устарели, не пригласить ли нам доктора такого-то, он молодой и идет в ногу со временем...»

– Гм, – сказала миссис Уэлман. – Вы уже и об этом думаете...

Питер Лорд поднялся.

– Ну а теперь я должен вас покинуть.

– По-моему, моя племянница собиралась с вами поговорить. Кстати, что вы о ней думаете? Ведь вы раньше с ней не встречались.

Краска залила лицо доктора Лорда до самых корней волос.

– Я... ну... она очень красивая. И вроде... неглупа и... не только... ну в общем... – залепетал он.

Миссис Уэлман позабавило смущение доктора. «Как же он еще молод!..» – подумала она про себя, а вслух сказала:

– Вам следует жениться.

4

Родди забрел в сад. Он пересек просторную лужайку и, пройдя по мощеной дорожке, вошел в обнесенный оградой, хорошо ухоженный огород. Интересно, они с Элинор когда-

нибудь тоже будут жить здесь, в Хантербери? Наверное, так оно и будет. Что ж, он совсем не против. Он вообще предпочитал жить в провинции. А Элино? Возможно, ей больше по вкусу Лондон...

Не так-то просто понять, чего хочет Элино. Она довольно скрытный человек. Впрочем, это ее качество ему скорее нравилось... Он не выносил болтунов, которые выкладывали все от и до, полагая, что вы горите желанием залезть к ним в душу. Недосказанность всегда более привлекательна и интересна.

Элино – само совершенство. Ни единой черты, которая бы отталкивала или раздражала. Смотреть на нее одно удовольствие, а какая она остроумная! В общем, лучшей жены ему не найти.

«Мне чертовски повезло, что я заполучил ее! – самодовольно думал он. – И что она во мне нашла...»

Несмотря на всю свою утонченность, Родерик Уэлман не страдал излишним тщеславием. И его действительно поразило согласие Элино выйти за него замуж.

Грядущее представлялось ему весьма заманчивым. Главное, уметь трезво оценить ситуацию, это всегда благо. Он полагал, что им с Элино не надо тянуть со свадьбой – разумеется, если Элино не будет против. Но, возможно, она предпочтет немного подождать. Он не должен ее торопить. Поначалу у них будут некоторые трудности. Но об этом не стоит беспокоиться. Что же касается тети Лоры... Он искренне надеялся, что она проживет еще долго. Она такая милая и так хорошо всегда к нему относилась, приглашала к себе на каникулы, интересовалась его делами.

Родди отогнал мысли о неизбежной смерти тети. Он вообще предпочитал избегать размышлений о неприятных вещах. И даже в мыслях старался не... конкретизировать... не называть вещи своими именами... Но... когда-нибудь потом... Наверное, приятно будет жить здесь, особенно если у него будет достаточно денег, чтобы содержать поместье как положено. И все-таки интересно, кому тетя все завещала... Впрочем, какая разница? Для некоторых женщин, безусловно, очень важно, кому принадлежат деньги – мужу или жене. Элино не такая. У нее уйма такта, и вообще деньги мало ее волнуют.

«Что будет, то и будет, беспокоиться не о чем», – думал он.

Через дальнюю калитку он вышел в небольшую рощицу, где весной обычно распускались желтые нарциссы. Сейчас они, конечно, уже отцвели, но солнечные блики, пробивавшиеся сквозь кроны деревьев, приятно золотили зелень, и эта картина радовала глаз.

На мгновение его охватило странное, беспричинное беспокойство, нарушив его благодушную умиротворенность – всего на мгновение... «Чего же мне не хватает?.. – гадал он. – Так бы хотелось, чтобы... Чтобы что?»

Золотисто-зеленый свет, ласкающий воздух – вся эта благодать заставляла его сердце биться сильнее, кровь быстрее побежала по жилам... им вдруг овладело странное нетерпение...

И тут из-за деревьев вышла девушка – ее светлые волосы отливали золотом, лицо нежно румянилось.

«Какая красота, просто потрясающая...» – пронеслось у него в голове.

Им овладело неведомое чувство, он застыл, боясь пошевелиться. Весь мир закружился в красочном, невероятном, безумном хороводе!

Девушка вдруг остановилась, потом приблизилась к нему, а он не мог вымолвить ни слова, только нелепо разинул рот, словно рыба, выброшенная на берег.

– Вы не помните меня, мистер Родерик? – робко заговорила девушка. – Конечно, ведь прошло столько времени. Я Мэри Джерард – из сторожки.

– О, так вы Мэри Джерард?

– Да, – сказала она и немного застенчиво продолжила: – Я, конечно, изменилась с тех пор, как вы меня видели.

– Очень изменились. Я... я бы ни за что не узнал вас.

Он не мог оторвать от нее глаз и даже не слышал шагов позади себя. А Мэри услышала и обернулась.

На мгновение остановившись, Элинор воскликнула:

– Привет, Мэри!

– Здравствуйте, мисс Линор. Рада вас видеть. Миссис Уэлман очень ждала вас.

– Да... мы давно тут не были, – сказала Элинор. – Я... Сестра О'Брайен просила отыскать вас. Она хочет приподнять миссис Уэлман и говорит, что вы обычно делаете это вместе.

– Иду, иду. – Мэри ускорила шаг, потом побежала. Элинор смотрела ей вслед. Бежала Мэри легко и грациозно.

– Аталанта⁸, – тихо промолвил Родди.

Элинор ничего на это не ответила. А потом, после долгой паузы, сказала:

– Скоро ленч. Нам пора возвращаться.

И они направились к дому.

5

– Ну, пойдём, Мэри. Там играет Гарбо⁹, и вообще отличный фильм – сплошной Париж. По книжке одного классного писателя. По ней даже опера какая-то есть¹⁰.

– Ужасно мило с твоей стороны пригласить меня, но я правда не могу.

– Теперь тебя не вытащишь, – сердито сказал Тэд Бигланд. – Ты стала какая-то не такая – совсем на себя не похожа.

– Вовсе нет, Тэд.

– А вот и да. А все эта твоя шикарная школа, да потом еще и в Германию съездила... Ну, конечно, теперь ты для нас слишком хороша.

– Неправда, Тэд. Я такая же, какой всегда была, – пылко возразила девушка.

Тэд, типичный деревенский крепыш, несмотря на весь свой гнев, смотрел на девушку с восторгом.

– Нет, ты очень изменилась. Ты стала почти как леди, Мэри.

– Почти – это не считается, верно? – с внезапной горечью проговорила Мэри.

– Ну не скажи, – вдруг поняв, что она чувствует, тут же возразил Тэд.

– И вообще, кого это в наше время волнует? Леди, джентльмены и прочая чепуха! – воскликнула Мэри.

– Да, это, конечно, не имеет значения, – согласился Тэд, но не очень уверенно. – И все-таки это всегда чувствуется! Господи, Мэри, ты выглядишь как герцогиня или графиня, не меньше!

– Это еще ни о чем не говорит. Я видела графинь, которые выглядели как старьевщицы! – сказала Мэри.

– Но ты же понимаешь, что я имею в виду.

Неожиданно перед ними возникла величавая и весьма внушительных размеров фигура в великолепном черном платье. Отступив в сторону, Тэд поздоровался:

---

⁸ *Аталанта* – в древнегреческой мифологии прекрасная девушка, прославившаяся своим мастерством в стрельбе из лука и беге и обещавшая выйти замуж за того, кто победит ее в состязании.

⁹ *Гарбо Грета* (1905–1990) – американская киноактриса шведского происхождения.

¹⁰ Здесь имеется в виду фильм «Дама с камелиями» по одноименному роману А. Дюма-сына. Опера «Травиата» на сюжет романа Дюма-сына написана итальянским композитором Дж. Верди.

– Добрый день, миссис Бишоп.

Миссис Бишоп бросила на них пристальный взгляд и милостиво кивнула.

– Добрый день, Тэд Бигланд. Добрый день, Мэри. – И проплыла мимо – точно корабль на всех парусах.

Тэд почтительно проследил за ней взглядом.

– Вот она в самом деле похожа на герцогиню, – вполголоса проговорила Мэри.

– Да, держаться она умеет. При ней меня всегда в пот бросает.

– Она меня не любит, – тихо сказала Мэри.

– Чепуха, моя милая!

– Нет, правда. Не любит. Она всегда говорит мне гадости.

– Ревность, – кивнул Тэд с видом умудренного жизнью человека. – В этом вся закавыка.

– Возможно, ты и прав... – с некоторым сомнением согласилась Мэри.

– Тут нечего и гадать. Она здесь уже столько лет в экономках, привыкла всеми командовать и делать все по-своему, а теперь старая миссис Уэлман привязалась к тебе... Это ее просто доконало! Вот и все!

Тень беспокойства пробежала по лицу Мэри:

– Глупо, конечно... но я не выношу, когда кто-нибудь меня не любит.

– Среди женщин всегда найдутся такие, которые будут тебя недолго любить. Всякие завистливые ведьмы, которые пережить не смогут, что ты такая красивая!

– По-моему, зависть – ужасная вещь, – сказала Мэри.

– Может быть... и тем не менее она существует. Послушай, я на прошлой неделе видел в «Алледоре» отличный фильм. С Кларком Гейблом¹¹. Про одного миллионера, который не обращал внимания на свою жену. Ну тогда она прикинулась, что закрутила с другим. Там был еще один парень...

Мэри отошла от Тэда:

– Извини, но мне пора идти. Я опаздываю.

– Куда ты так спешишь?

– К сестре Хопкинс на чашку чаю.

Тэд вытаращил на нее глаза.

– Странные у тебя друзья. Это же самая большая сплетница во всей деревне! Всюду сует свой длинный нос.

– Ко мне она всегда добра, – кротко возразила Мэри.

– А я что? Я не говорю, что она плохая. Просто больно уж болтливая.

– До свидания, Тэд.

Она поспешила прочь, а Тэд обиженно смотрел ей вслед.

6

Сестра Хопкинс занимала маленький коттедж на окраине деревни. Она только что вернулась и развязывала ленты чепца, когда пришла Мэри.

– Ага, вот и ты! Я немного припозднилась. Старой миссис Калдекотт стало опять плохо. Из-за этого на перевязки ушло больше времени, чем обычно. Я видела тебя с Тэдом Бигландом.

– Да... – как-то удрученно сказала Мэри.

Сестра Хопкинс настороженно на нее взглянула и, чиркнув спичкой, стала зажигать конфорку под чайником.

– Он сказал тебе что-нибудь особенное, моя дорогая? – Ее длинный нос чуть дрогнул.

---

¹¹ Гейбл Кларк (1901–1961) – американский киноактер.

– Нет, просто пригласил в кино.

– Понятно, – бодрым голосом произнесла сестра Хопкинс. – Он, безусловно, приятный молодой человек и неплохо устроен – все-таки механик в гараже, а отец его один из лучших фермеров в округе. И все же, сдаётся мне, ты могла бы найти кого-нибудь получше, чем Тэд Бигланд. С твоим-то образованием и воспитанием! Вот я и говорю: надо тебе выучиться на массажистку. Дело хорошее, будешь встречаться с разными людьми, да и времени свободного много.

– Я подумаю, – сказала Мэри. – Миссис Уэлман вчера со мной говорила. Она все понимает. Вы правы – она действительно не хочет, чтобы я ее сейчас покинула. Она сказала, чтоб я не беспокоилась – она позаботится о моем будущем.

Сестра Хопкинс с сомнением проговорила:

– Будем надеяться, что она запишет это, как положено, на бумаге, черным по белому! А то больные люди, они со странностями.

– А как вы считаете, миссис Бишоп действительно не любит меня или это просто моя мнительность?

– Она вечно чем-нибудь недовольна. Она из тех, кого раздражают молодые, особенно когда им весело или когда о них кто-то заботится. Возможно, она и впрямь считает, что миссис Уэлман слишком уж тебя любит, ну и ее это злит. – Она рассмеялась. – На твоём месте, дорогая моя, я не обращала бы на эту ведьму внимания. А теперь открой-ка этот пакет. Там парочка сдобных пончиков.

Глава 3

1

ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ ВАШЕЙ ТЕТИ СЛУЧИЛСЯ ВТОРОЙ УДАР.
ПРИЧИН ТРЕВОГИ ПОКА НЕТ, ЛУЧШЕ ВАМ ВОЗМОЖНОСТИ
ПРИЕХАТЬ
ЛОРД

2

Получив телеграмму, Элинон тут же позвонила Родди, и вскоре они уже ехали на поезде в Хантербери.

Прошла всего неделя после их поездки к тете, и за это время Элинон почти не виделась с Родди. Они встречались всего два раза и очень ненадолго, причем Элинон уловила в нем какую-то странную натянутость и неестественность. Чего стоил хотя бы этот огромный букет роз! Раньше Родди не присылал ей цветов. А когда они вместе обедали, он был так непривычно внимателен – советовал, какие блюда и напитки выбрать... с таким усердием помогал ей надевать и снимать пальто. Как будто играл роль в какой-нибудь пьесе – роль влюбленного жениха...

«Не будь душой... – мысленно оборвала она себя. – Ничего не случилось... Хватит придумывать всякие глупости! Это все твои противные собственнические замашки».

Сама же она стала обращаться с Родди чуточку холоднее... еще холоднее, чем обычно.

Но сейчас, в этих чрезвычайных обстоятельствах, от натянутости не осталось и следа, они общались с прежней непринужденностью.

– Бедная старушка, – сказал Родди. – Она ведь держалась молодцом, когда мы ее видели.

– Я так за нее волнуюсь, – сказала Элинон. – Знал бы ты, каково ей быть прикованной к постели! А теперь она, вероятно, станет еще более беспомощной, и это просто взбесит ее! В таких случаях начинаешь понимать, что людей нужно избавлять от страданий, если они сами того желают.

– Ты права, – согласился Родди. – Это единственно разумное и цивилизованное решение. Ведь усыпляют же животных, чтобы они не мучились. По-моему, с людьми не поступают так просто потому, что может появиться слишком много желающих избавиться от своих милых родственников – ради их денег, даже от тех, кто совсем не так уж и сильно болен...

– Ну это, конечно же, должны решать врачи, – сказала Элинон.

– Доктора можно и подкупить.

– Такому человеку, как доктор Лорд, можно доверять.

– Да, на мошенника он не похож, – небрежно проронил Родди. – Приятный мальчик.

3

Доктор Лорд склонился над постелью. Позади него крутилась сестра О'Брайен. Нахмурившись от напряжения, он силился разобрать нечленораздельные звуки, слетавшие с губ больной.

– Да-да. Не надо волноваться. Не спешите. Я буду вас спрашивать, а вы, когда захотите сказать «да», слегка приподнимите правую руку. Итак, вас сейчас что-нибудь беспокоит?

В ответ тут же последовал утвердительный знак.

– Что-нибудь неотложное? Да? Что-то нужно сделать? За кем-нибудь послать? За мисс Карлайл? И за мистером Уэлманом? Они уже в пути.

Миссис Уэлман снова попыталась что-то произнести, и опять невнятно. Доктор Лорд внимательно вслушивался.

– Вы хотите сказать, чтобы они приехали, но это еще не все? Чтобы приехал кто-то еще? Родственник? Нет? Речь о каком-то деле? Понимаю. Что-то связанное с деньгами? Вам нужен юрист? Не так ли? Вы хотите видеть своего адвоката? Хотите дать ему какие-то распоряжения?

Ну-ну, все в порядке. Успокойтесь. Не торопитесь. Что вы сказали? Элинор? – Он с трудом разобрал исковерканное имя. – Она знакома с вашим юристом? И она договорится с ним? Отлично. Она будет здесь примерно через полчаса. Я сообщу ей о вашем желании, приведу ее к вам, и мы тут же все уладим. Так что больше ни о чем не беспокойтесь. Предоставьте это мне. Я присмотрю за тем, чтобы все ваши желания были исполнены.

Он некоторое время постоял, наблюдая, как она понемногу успокаивается, затем тихо вышел из комнаты на лестничную площадку. Сестра О'Брайен последовала за ним. Сестра Хопкинс только что пришла и поднималась по лестнице.

– Добрый вечер, доктор! – переведев дух, поздоровалась она.

– Добрый вечер, сестра.

Он прошел с обеими сестрами в комнату О'Брайен и отдал им распоряжения. Сестра Хопкинс должна была остаться на ночь – помогать О'Брайен.

– А завтра я попробую договориться с еще одной сиделкой. Не знаю, выйдет ли, ведь в Стэмфорде эпидемия дифтерии. В лечебницах не хватает персонала.

Повторив свои распоряжения, которые были выслушаны с благоговейным вниманием (что здорово иногда его веселило), доктор Лорд спустился по лестнице, чтобы встретить племянницу и племянника миссис Уэлман, которые должны были появиться с минуты на минуту.

В холле он столкнулся с Мэри Джерард. Она была бледна и очень встревожена.

– Ей не лучше? – спросила девушка.

– Я могу гарантировать ей спокойную ночь, – это практически все, что я могу сделать.

– Как это все жестоко, как несправедливо... – проговорила Мэри дрожащим голосом.

– Да, – сочувственно кивнул доктор. – Иногда именно так и бывает! Я думаю... – Он оборвал фразу. – Да, вот и машина.

Он пошел навстречу прибывшим, а Мэри взбежала по лестнице. Войдя в гостиную, Элинор спросила:

– Ей очень плохо?

Родди был бледен и выглядел очень подавленным.

– Мужайтесь, – тихо сказал доктор. – У нее обширный паралич. Ее речь почти невозможно разобрать. Между прочим, она явно чем-то обеспокоена. И хочет, чтобы вызвали ее адвоката. Вы его знаете, мисс Карлайл?

– Это мистер Седдон с Блумсбери-сквер, – тут же ответила Элино́р. – Но вряд ли он сейчас в конторе, ведь уже вечер, а его домашнего адреса я не знаю.

– Этим можно заняться и завтра, – заверил ее доктор Лорд. – Сейчас самое главное – как можно скорее успокоить нашу больную. Давайте к ней поднимемся, мисс Карлайл. Я думаю, нам удастся ее подбодрить.

– Да-да. Пойдемте.

– А мне? Мне не нужно с вами идти? – с надеждой спросил Родди.

Он слегка стыдился своего поведения, но при одной мысли о том, что он увидит тетю Лору неподвижной, лишившейся речи, он испытывал панический страх.

– Нет никакой необходимости, мистер Уэлман, – поспешил успокоить его доктор Лорд. – Лучше, чтобы в комнате больной не собиралось много людей.

У Родди отлегло от сердца.

Доктор Лорд и Элино́р поднялись в комнату миссис Уэлман. У постели сидела сестра О'Брайен.

Лора Уэлман хрипло, с трудом дышала и была почти без сознания. Потрясенная Элино́р с ужасом вглядывалась в ее искаженное, осунувшееся лицо.

Правое веко миссис Уэлман вдруг дрогнуло и приподнялось. Она увидела мисс Карлайл, и лицо ее едва заметно оживилось.

Она сделала попытку заговорить.

– Э...лино... – Это единственное слово, которое ей удалось хоть как-то произнести, едва ли могло что-то сказать человеку постороннему, но Элино́р среагировала мгновенно:

– Я здесь, тетя Лора. Тебя что-то беспокоит? Ты хочешь послать за мистером Седдоном?

Послышалось еще несколько хриплых звуков, Элино́р ловила их смысл:

– Мэри Джерард?

Правая рука слегка шевельнулась в ответ.

Протяжный булькающий звук слетел с губ больной, доктор Лорд и Элино́р беспомощно переглянулись. Этот звук повторялся снова и снова. Наконец Элино́р догадалась:

– Позаботиться? Ты хочешь *позаботиться* о ней в своем завещании? Ты хочешь ей оставить какие-то деньги? Понимаю, дорогая тетя Лора. Это очень просто. Завтра приедет мистер Седдон, и все будет сделано именно так, как ты хочешь.

Страдание, казалось, отпустило больную. Отчаянная мольба, отражавшаяся в приоткрытом глазу, исчезла. Элино́р взяла ее руку и почувствовала слабоежатие пальцев.

С невероятным усилием миссис Уэлман проговорила:

– Ты... все... ты...

– Да-да, не беспокойся, – отозвалась Элино́р. – Я сделаю все, как ты хочешь!

Она снова почувствовала жатие. Потом оно ослабло. Веки больной дрогнули и закрылись. Доктор Лорд прикоснулся к руке девушки и осторожно вывел ее из комнаты. Сестра О'Брайен заняла свое место у постели.

На площадке лестницы стояла Мэри Джерард и разговаривала с сестрой Хопкинс. Она подалась вперед.

– О, доктор Лорд, пожалуйста, разрешите мне пройти к ней.

Доктор кивнул.

– Только потише и не беспокойте ее.

Мэри вошла в комнату.

Доктор Лорд обратился к Элино́р:

– Ваш поезд опоздал. Вы... – Он осекся, увидев, что Элино́р пристально смотрит вслед Мэри. Внезапно наступившее молчание заставило Элино́р обернуться. Она вопросительно взглянула на доктора и увидела в его глазах явное недоумение. Щеки Элино́р вспыхнули.

– Извините меня, – поспешно проговорила она. – Что вы сказали?

– Что я сказал? – медленно переспросил Питер Лорд. – Я не помню. Мисс Карлайл, вы держались великолепно. – Его голос потеплел. – Так быстро все поняли и сумели ее успокоить, в общем, сделали все как надо.

Сестра Хопкинс чуть слышно фыркнула.

– Бедная тетя, – продолжала Элинон. – Меня просто потрясло ее состояние.

– Могу себе представить. Но вы этого не показали. У вас, вероятно, огромное самообладание.

– О, я научилась... научилась скрывать свои чувства, – проговорила Элинон, едва разжимая губы.

– Но все равно время от времени маска соскальзывает... – тихо сказал доктор Лорд.

Сестра Хопкинс торопливо удалилась в ванную.

– Маска? – Элинон вскинула тонкие брови и пытливо посмотрела ему в глаза.

– Ведь человеческое лицо не что иное, как маска, – пояснил доктор Лорд.

– А под ней?

– А под ней просто мужчина или женщина.

Элинон отвернулась и стала поспешно спускаться по лестнице. Озадаченный доктор последовал за ней.

В холле их встретил Родди.

– Как там? – встревоженно спросил он.

– Бедная тетя, – сказала Элинон, – просто сердце разрывается... Я бы на твоём месте не ходила к ней... пока... пока она сама не позовет.

– Она хотела сообщить что-нибудь... срочное? – поинтересовался Родди.

Питер Лорд обратился к Элинон:

– Я должен вас покинуть. В данный момент я больше ничем не могу быть полезен. Загляну к вам завтра рано утром. До свидания, мисс Карлайл. Не стоит... не стоит слишком волноваться.

Он на несколько мгновений задержал ее руку в своей. Его рукопожатие удивительно успокаивало и утешало. Он посмотрел на Элинон, и что-то странное было в его взгляде – как будто он жалел ее.

Едва за доктором захлопнулась дверь, Родди повторил свой вопрос.

– Тетю Лору волнуют... некоторые финансовые вопросы, – ответила Элинон. – Я постаралась успокоить ее и пообещала, что мистер Седдон обязательно завтра придет. Первым делом нам нужно ему позвонить.

– Она хочет составить новое завещание? – спросил Родди.

– Она этого не говорила, – сказала Элинон.

– А что она... – Он замолчал, не закончив фразы: по лестнице сбегала Мэри Джерард. Она пересекла холл и исчезла за дверью в кухню.

– Да? Что ты хотел спросить? – Голос Элинон вдруг стал немного охрипшим.

– Я что? Я забыл... – рассеянно пробормотал Родди, продолжая смотреть на дверь, за которой скрылась Мэри Джерард.

Элинон стиснула кулаки, чувствуя, как ее длинные острые ногти впиваются в ладони.

«Нет, это невыносимо... невыносимо... значит, мне не показалось, значит, это правда... Родди, Родди, я не могу тебя потерять...»

А этот доктор – что он мог прочитать на моем лице там, наверху? – вдруг мелькнуло в голове Элинон. – Он что-то увидел... О боже, как это ужасно... чувствовать то, что чувствую я сейчас. Ну скажи что-нибудь, не молчи, как идиотка. Возьми себя в руки!»

Вслух же очень спокойно произнесла:

– Что-то насчет обеда, Родди. Лично я не очень голодна. Пойду посижу с тетей Лорой, а обе сестры могут спуститься вниз.

– Они будут обедать вместе со мной? – сразу встревожился Родди.

– Они тебя не укусят! – холодно проговорила Элинор.

– А как же ты? Ты же должна поесть. Почему бы сначала не пообедать нам с тобой, а они – потом?

– Нет, мое предложение лучше, – возразила она и в сердцах добавила: – Они такие обидчивые, ты же знаешь.

«Только не оставаться с ним наедине... ведь за столом надо будет о чем-то говорить и вести себя так, будто ничего не происходит...» – думала она.

– Позволь мне поступать так, как я считаю нужным! – нетерпеливо сказала она.

Глава 4

1

На следующее утро Элино́р разбудила не служанка, а миссис Бишоп собственной персоной, в своем старомодном шуршащем черном платье. Экономка обливалась слезами.

– О, мисс Элино́р, она нас покинула...

– Что?

Элино́р села в постели.

– Ваша дорогая тетя. Миссис Уэлман. Моя дорогая госпожа. Тихо отошла во сне.

– Тетя Лора? Умерла?

Элино́р смотрела на нее удивленным взглядом и, казалось, не понимала, о чем она говорит. Миссис Бишоп разрыдалась еще горше.

– Подумать только, – всхлипывала она. – Столько лет! Ведь я здесь прослужила восемнадцать лет. О нет, в это просто невозможно поверить...

– Значит, тетя Лора умерла во сне... – с трудом выговорила Элино́р, – не мучилась... Какое благо для нее!

Миссис Бишоп рыдала.

– Так внезапно. Доктор говорил, что снова зайдет утром и что все вроде бы относительно спокойно...

Элино́р довольно резко возразила:

– Это вовсе не было такой уж неожиданностью. Ведь она так долго уже болела. Одно меня утешает: по крайней мере, судьба избавила ее от дальнейших страданий.

Миссис Бишоп пролепетала сквозь слезы, что это и на самом деле немного утешает.

– А кто сообщит мистеру Родерику? – спросила она.

– Я, – сказала Элино́р.

Набросив халат, она направилась к его комнате и постучала в дверь.

– Войдите, – послышался его голос.

Она вошла.

– Тетя Лора умерла, Родди. Умерла во сне.

Родди приподнялся в постели и глубоко вздохнул.

– Бедная тетя Лора! Слава богу, что ей выпала легкая смерть. Видеть ее в таком состоянии, в каком она была вчера, – это слишком тяжело.

– А я и не знала, что ты ее вчера видел, – непроизвольно вырвалось у Элино́р.

Родди, слегка смутившись, кивнул.

– Понимаешь, Элино́р, мне стало так стыдно своей слабости. И вечером я все-таки туда пошел. Толстуха-сиделка куда-то вышла, по-моему, чтобы наполнить грелку, и я незаметно проскользнул в комнату. Она и не знает, что я был у тети. Я лишь немного постоял и посмотрел на нее. Потом слышу, миссис Гэмп топает обратно по лестнице, и тихонько ушел. Но это было ужасное зрелище!

– Да, ужасное.

– А уж каково ей самой было бы находиться в таком состоянии! Просто невыносимо! – сказал Родди.

– Я знаю.

– Просто удивительно, как мы с тобой одинаково все воспринимаем.

– В самом деле, – тихо сказала Элино́р.

– Вот и сейчас тоже... и ты и я благодарны судьбе за то, что ее страдания кончились...

2

– В чем дело, сестрица, вы что-нибудь потеряли? – спросила сестра О'Брайен.

Сестра Хопкинс с несколько раскрасневшимся лицом рылась в чемоданчике, который оставила накануне вечером в холле.

– Вот напасть! – проворчала она. – И как это я так оплошала!

– А что такое?

Сестра Хопкинс отвечала не совсем вразумительно:

– Эта Элиза Райкен – у нее саркома¹², вы знаете. Ей прописаны инъекции морфина¹³ два раза в день – вечером и утром. Прошлым вечером я использовала последнюю таблетку из старой упаковки и точно помню, что тут была еще одна – непочатая, ну вы знаете, морфин расфасован обычно в такие стеклянные трубочки.

– Поищите еще. Эти трубочки такие маленькие.

Сестра Хопкинс еще раз перетрясла содержимое чемоданчика.

– Нет, точно нету! Наверное, я оставила ее в своем шкафчике! Надо же, память еще никогда меня не подводила. Я готова поклясться, что взяла ее с собой!

– А вы по дороге сюда нигде не оставляли свой саквояж?

– Разумеется, нет! – обиженно воскликнула сестра Хопкинс.

– Ну если так, то волноваться не о чем, – успокоила ее сестра О'Брайен.

– Надеюсь. Единственное место, где я оставляла свой чемоданчик, – это здесь, в холле, но уж тут-то точно никто ее взять не мог! Так что, видно, я действительно просто запамятовала. Но вы понимаете, сестра, почему это так меня беспокоит... И к тому же теперь мне придется тащиться домой – а это ведь другой конец деревни, а потом снова возвращаться.

– Надеюсь, дорогая, день для вас будет все же не таким утомительным, как прошлая ночь. Бедная старая леди! Впрочем, я и не думала, что она долго протянет, – сказала сестра О'Брайен.

– Да и я тоже. А вот доктор, думаю, удивится! – заметила сестра Хопкинс.

– Он всегда немножко переоценивает возможности пациента, – с легким укором добавила сестра О'Брайен.

– Ах, он так юн! У него нет нашего опыта, – изрекла сестра Хопкинс уже на пороге. И с мрачным видом удалилась.

3

Доктор Лорд приподнялся на носках. Его рыжеватые брови вздернулись чуть ли не до самых волос. Он был поражен:

– Значит, умерла.

– Да, доктор. – Сестра О'Брайен горела желанием сообщить подробности, но, будучи чрезвычайно дисциплинированной, ждала указаний.

– Умерла? – задумчиво повторил Питер Лорд. Мгновение он что-то обдумывал, а потом отрывисто приказал: – Дайте мне горячей воды.

Сестра О'Брайен была заинтригована, но, воспитанная в строгих больничных правилах, вопросов задавать не стала. Прикажи ей доктор пойти и принести шкуру аллигатора,

---

¹² Саркома – злокачественная опухоль.

¹³ Морфин – сильное болеутоляющее средство, белый кристаллический порошок, растворимый в воде и спирте.

она автоматически пробормотала бы: «Да, доктор» – и отправилась бы выполнять его поручение.

4

– Вы хотите сказать, что моя тетя умерла, не оставив завещания, что она вообще никогда его не делала? – изумился Родерик Уэлман.

Мистер Седдон протер стекла очков и сказал:

– Похоже, так и есть.

– Просто невероятно! – воскликнул Родди.

Мистер Седдон откашлялся.

– Не так невероятно, как вы думаете. Такое случается довольно часто. Своего рода суеверие. Люди предпочитают думать, что у них впереди еще уйма времени. И им кажется, что самим фактом составления завещания они приближают свою смерть. Странная причуда, но это так!

– И вы никогда не... э... обсуждали эту тему? – спросил Родди.

– Постоянно, – сухо ответил мистер Седдон.

– И что же она говорила?

Мистер Седдон вздохнул.

– Обычные вещи. Что еще полно времени! Что она еще не собирается умирать! Что она еще не совсем решила, как распорядиться своими деньгами!

– Но, наверное, после первого удара... – начала Элинон.

Мистер Седдон покачал головой.

– О нет. Еще сильнее стала упираться. Даже слышать ничего не хотела по этому поводу!

– Но ведь это... нелогично, – снова вступил в разговор Родди.

Мистер Седдон снова возразил:

– О, ничего подобного. Ведь из-за болезни ее нервозность возросла.

– Но она хотела умереть... – проговорила озадаченная Элинон.

Еще раз старательно протерев стекла очков, мистер Седдон сказал:

– Ах, дорогая моя мисс Элинон, человеческий разум устроен весьма любопытно. Возможно, миссис Уэлман хотелось иногда умереть, но, несмотря на эти мысли, в ее душе жила и надежда на полное выздоровление. И ей казалось, что, составив завещание, она как бы будет искушать судьбу. Этот ее страх вовсе не означал, что она не хотела его составить, просто постоянно откладывала этот момент. Ведь вы знаете, – продолжал мистер Седдон, внезапно обратившись к Родди и доверительно понизив голос, – как люди оттягивают какое-нибудь неприятное дело, стараются подольше им не заниматься?

– Да, я... я... да, конечно, – пробормотал Родди, вспыхнув. – Понимаю, что вы имеете в виду.

– Вот-вот, – сказал мистер Седдон. – Миссис Уэлман, безусловно, собиралась сделать завещание, но всякий раз откладывала это на завтра, уговаривала себя, что впереди еще масса времени.

Элинон задумчиво произнесла:

– Так вот почему она была такой подавленной прошлой ночью... и так торопилась вызвать вас...

– Вне всяких сомнений! – ответил мистер Седдон.

– Но что же теперь будет? – пробормотал в замешательстве Родди.

– С наследством миссис Уэлман? – Поверенный откашлялся. – Поскольку миссис Уэлман умерла, не оставив завещания, вся ее собственность переходит к ближайшей кровной родственнице, то есть к мисс Элинон Карлайл.

– Все мне? – недоверчиво спросила Элинон.

– Определенный процент пойдет в пользу Короны, – объяснил мистер Седдон и углубился в детали. В заключение он сказал: – Никаких долгов или заложенной недвижимости нет. Все деньги миссис Уэлман принадлежали ей одной. Следовательно, все они переходят к мисс Карлайл. Налоги на наследство... э... боюсь, будут несколько велики, но даже после всех выплат состояние все еще будет весьма значительным, к тому же капитал помещен в надежные ценные бумаги.

– Но Родерик... – начала Элинон.

Мистер Седдон произнес, смущенно кашлянув:

– Мистер Уэлман – всего лишь племянник ее мужа. Здесь нет кровного родства.

– Абсолютно никакого, – подтвердил Родди.

– Но, разумеется, для нас не имеет существенного значения, кто именно получит деньги, – уверенно проговорила Элинон, – ведь мы собираемся пожениться.

При этом она не взглянула на Родди. Теперь уже мистер Седдон сказал:

– Абсолютно никакого. – И тут же ушел.

5

– Но ведь это и правда не имеет значения, – сказала Элинон, как бы оправдываясь.

Лицо Родди нервно передернулось.

– Деньги должны принадлежать тебе, – сказал он. – Это совершенно справедливо. Ради бога, Элинон, только не думай, что я тебе завидую. Не нужны мне эти проклятые деньги!

– Мы ведь говорили об этом, Родди, еще в Лондоне, что не важно, кто из нас окажется наследником, поскольку... поскольку мы решили пожениться... – нерешительно закончила Элинон. – Он молчал. Она продолжала настаивать: – Неужели ты не помнишь, что сам это говорил, Родди?

– Помню, – сказал Родди, упорно глядя себе под ноги. Лицо его было бледным и угрюмым, выразительные губы были горько сжаты.

Внезапно вскинув голову, Элинон храбро произнесла:

– Ведь это несущественно... если мы собираемся пожениться... Но так ли это, Родди?

– Что – так ли? – спросил Родди.

– Собираемся ли мы пожениться?

– Помню, была такая идея, – равнодушно сказал он, вернее, с некоторой долей раздражения. – Разумеется, Элинон, если у тебя теперь другие планы...

– О Родди! – воскликнула Элинон. – Неужели ты не можешь быть честным!

Он вздрогнул. Потом, смутившись, выдавил:

– Не знаю, что со мной такое...

– А я знаю... – проговорила Элинон сдавленным голосом.

– Возможно, дело в том, – заторопился Родди, – что мне не по душе мысль жить на средства жены...

Элинон побледнела:

– Дело не в этом... Здесь кое-что другое... – Она перевела дух и воскликнула: – Это из-за Мэри, не правда ли?!

– Наверное, – с несчастным видом пробормотал Родди. – Но как ты догадалась?

– Это было не так уж трудно... – Элинон криво усмехнулась. – Любой мог прочитать это на твоём лице, когда ты на нее смотрел...

Внезапно Родди перестал себя сдерживать:

– О, Элинор, я не знаю, в чем дело! По-моему, я схожу с ума! Это случилось, когда я увидел ее – в тот первый день – в лесу... только ее лицо – и вдруг все перевернулось. Ты не можешь этого понять...

– Очень даже могу. Продолжай.

– Я совсем не хотел в нее влюбляться... – произнес Родди беспомощно. – Я был совершенно счастлив с тобой. О Элинор, какой же я подлец, что все тебе выкладываю, все как есть...

– Ерунда. Продолжай. Скажи мне...

– Ты такая удивительная... – продолжил он прерывающимся голосом. – Говорю с тобой, и становится легче. Я ужасно тебя люблю, Элинор. Ты должна мне верить. А это просто наваждение. Оно все перевернуло: мое восприятие жизни, отношение ко многим вещам и вообще весь мой привычно-благопристойный разумный уклад...

– Любовь вообще чувство не слишком разумное, – мягко заметила Элинор.

– Это точно... – печально согласился Родди.

– Ты что-нибудь ей говорил? – чуть дрогнувшим голосом спросила Элинор.

– Сегодня утром... как дурак... я совсем потерял голову...

– И что же? – допытывалась Элинор.

– Разумеется, она тут же оборвала меня! Она была шокирована. Из-за тети Лоры и... из-за тебя...

Элинор сняла со своего пальца кольцо с бриллиантом и протянула Родди:

– Тебе лучше взять его обратно, Родди.

Взяв кольцо, он пробормотал, не глядя ей в глаза:

– Элинор, ты даже не представляешь, каким негодяем я себя чувствую.

– Ты думаешь, она выйдет за тебя замуж? – спросила она, и голос ее был уже как обычно спокойным и ровным.

Он покачал головой.

– Не знаю. Нет... по крайней мере в ближайшее время. Не думаю, что я ее сейчас интересую... может, когда-нибудь после... может, она еще меня полюбит.

– Наверное, ты прав, – сказала Элинор. – Ей нужно дать время. Пока с ней не встреться, а потом... попробуй еще раз объяснить.

– Элинор, дорогая, ты мой лучший друг, таких друзей больше ни у кого нет. – Он вдруг взял ее руку и поцеловал. – Ты знаешь, Элинор, я люблю тебя по-прежнему! Иногда мне кажется, что Мэри – это просто сон, греза. Что я вот-вот проснусь... и окажется, что ее вовсе и не было...

– Если бы Мэри не было... – начала Элинор.

Родди взволнованно прервал ее:

– Иногда мне даже хочется, чтобы ее не было... Ты и я... мы принадлежим друг другу.

Мы созданы друг для друга, не так ли?

Она медленно наклонила голову:

– Да, мы созданы друг для друга. – И подумала: *«Если бы Мэри не было...»*

Глава 5

1

– Это были прекрасные похороны! – с чувством сказала сестра Хопкинс.

Сестра О'Брайен согласилась:

– О да! А сколько цветов! Вы когда-нибудь видели такие чудесные цветы? Эта арфа из белых лилий и крест из желтых роз! Такая красота!

Сестра Хопкинс вздохнула и положила себе на тарелку булочку с кремом. Разговор происходил в кафе «Голубая синица».

– Мисс Карлайл – щедрая девушка, – продолжала восхищаться сестра Хопкинс. – Она сделала мне милый подарок. Хотя вовсе не была обязана так поступать.

– Да, щедрая и очень славная, – горячо подхватила сестра О'Брайен. – Я вообще не выношу скряг.

– Она, между прочим, унаследовала огромное состояние, – не преминула заметить сестра Хопкинс.

– Это удивительно... – начала сестра О'Брайен и запнулась.

– Что именно? – подбодрила ее Хопкинс.

– Меня удивляет, что старая леди не оставила завещания.

– Вот это очень плохо, – раздраженно сказала сестра Хопкинс. – Людей следует заставлять делать завещания! Иначе потом не оберешься неприятностей.

– Интересно, – сказала сестра О'Брайен, – если бы она сделала завещание, кому бы она оставила свои деньги?

– Одно я знаю точно, – твердо заявила сестра Хопкинс.

– Что именно?

– Что она оставила бы некоторую сумму Мэри – Мэри Джерард.

– Да, пожалуй, – согласилась О'Брайен и возбужденно добавила: – Я вам не рассказывала, в каком состоянии была наша страдальца той ночью и как доктор ее успокаивал? Мисс Элинор держала руку своей тетушки и клялась самым Всемогущим, – тут ее ирландское воображение не на шутку разыгралось, – что пошлет за поверенным и все сделает как следует. «Мэри, Мэри!» – воскликнула бедная старая леди. «Ты имеешь в виду Мэри Джерард?» – спросила мисс Карлайл и тут же поклялась, что Мэри внакладе не останется!

– Прямо-таки поклялась? – В голосе Хопкинс звучало очевидное сомнение.

– Именно так все и было, – торжественно заверила ее О'Брайен. – И вот что я еще скажу, сестрица: если бы миссис Уэлман успела составить завещание, еще неизвестно, что бы в нем было написано, да-да! А ну как она бы оставила все Мэри Джерард!

– Ну не думаю, – возразила сестра Хопкинс. – Я лично против того, чтобы лишать свою родню денег.

– Родня родне – рознь! – с видом оракула изрекла сестра О'Брайен.

– Что вы хотите этим сказать? – Сестра Хопкинс мгновенно наострила уши.

– Я не сплетница! И не желаю чернить имя покойной, – с достоинством проговорила сестра О'Брайен.

– Верно, так оно будет лучше, – подумав, согласилась сестра Хопкинс. – Чем меньше разговоров, тем спокойнее, – добавила она, наполняя заварочный чайник.

– Кстати, – сказала сестра О'Брайен, – вы тогда нашли трубочку с морфином, когда вернулись домой?

Сестра Хопкинс нахмурилась.

– Нет. Ума не приложу, куда она могла подеваться. Разве что я положила ее на край каминной доски. Я часто так делаю, когда запираю шкаф, и она могла скатиться и упасть в корзину для мусора, а корзину потом, когда я ушла, вытряхнули в мусорный ящик. – Она задумалась. – Вероятно, так все и было, ибо другого объяснения я придумать не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.